

РЕЧЬ ПРИ ВРУЧЕНИИ ПРЕМИИ ИМЕНИ

АНДРЕЯ БЕЛОГО

Поскольку премия — за написанную вещь, то лучше было бы прочесть, ибо известно, что работавший в русской прозе, на мой взгляд, чудесный писатель В.В.Розанов говорил, что у писателя дарование на кончике пера, а у оратора — на кончике языка. Поэтому лучше было бы что-нибудь прочесть, но жизнь сложилась таким образом, что эти неожиданные и радостные присуждения произошли в тот момент, когда я вошел в такую фазу, что пишу рукой небольшие заметки дома, — они даже не дневничкового порядка, а так, не очень понятно что. Становится все более и более трудно обращаться к некоей анонимной аудитории, то есть не продолжать и не начинать разговор с тем конкретным человеком, который так или иначе появился в пространстве, которое ты облучаешь. Поэтому это не кокетство, но, действительно, я прому снисхождения — мне нужно как-то собраться, чтобы понять некую веру ответственности в том, что я решаюсь сказать.

Покажу, поскольку это все-таки награждение в пределах конференции, и пока еще точно не найдено отождествления тому процессу, который происходит, то я предложил бы попытаться проименовать этот процесс и, может быть, сказать о том, что если такое проименование будет признано ценным, что из этого вытекает. Я бы назвал этот процесс не "неофициальной культурой", а процессом и р и п о м и н а н и я, — тогда как то, что называется "официальной культурой" — есть процесс з а б в е н и я. Мне кажется, что с некоторых пор люди, занимающиеся искусством (а искусство и культура, видимо, сугубо человеческая деятельность) упражнялись в забвении. А сейчас, мне кажется, идет процесс припоминания истоков. Если это принять как ценное

определение, тогда возникнет внутренняя потребность пай-
ти п а м я т ь как с о к р о в и щ и ц у с м ы с -
л о в, и тогда всякая культурная деятельность будет лег-
ко промаринована на феноменальном уровне, потому что знак
будет аппелировать к означаемому, а мы будем обладать еди-
ной памятью как сокровищницей смыслов и тогда все наши
слова и определения будут иметь более или менее однознач-
ный смысл. Например, если произнести слово "враг", ска-
жем, для людей, ориентирующих свое сознание на такие тек-
сты, как "Добротолюбие", или монахов Афона, это будет од-
нозначное определение, оно не символично, как сказал бы
флорентский, "здесь имя и именуемое пригвождены". И те и
другие шлест в виду под словом "враг" - сатану, а под сло-
вом "царь" - Господа Иисуса Христа. Видно, вся культура
потеряла пот эту сокровищницу памяти, однозначный смысл...
Я хотел бы сказать следующее: если это припоминание будет
обратиться и причем в русле русской культуры, то станет
самозачинным, что русская гениальность... (это смутные
все определения, но они могут чувствоваться) русская ге-
ниальность в лице, скажем, Пушкина, Достоевского, Вяч.
Иванова - они осмыслили русскую культуру как п р и п о -
м и н а н и е и с т о к о в, а их высшей ценностью, как
было выявлено, является с в я т о с т ь. Этого действи-
тельно не было нигде сделано.

Человек, по-видимому, начинает что-то припоминать
мучительно тогда, когда он п е р а с т а е т к а п р и з -
н и ч а т ь, в тот момент, когда уничтожается ощущение,
что ему что-то н е д о д а л и... Я про себя, достаточно
грешного человека, могу сказать, кто на этот процесс унич-
тожения мысли; или "мне что-то недодали", ушло лет двенад-
цать. Я уехал из Ленинграда, где работал театральным и
кино-режиссером, и, сидя дома, размышлял... у меня воз-
никло ощущение, что что-то уходит из ощущения, что мне
что-то недодали. В следующий момент (в светлую минуту, я
подчеркиваю, в чрезвычайно светлую, и чрезвычайно редкую
минуту) возникло ощущение, что в мире, мире Творца, с од-
ной стороны, и его высшего произведения как Человека, с
другой стороны, - то есть в мире, где Господа Иисуса Христа

распяти и оплевали /что, может быть, еще более мучительно/, как-то становится очевидным, что капризничать эстетически даже негде. Видимо, нужно ориентироваться на какое-то **д о с т о и н с т в о** и чтобы капризность постепенно уходила от некоего внутреннего самоограничения... (Как мне представляется, это Вяч.Кванов имел в виду, когда говорил о **в н у т р е н н е м** **к а н о н е** художника, столь неудобном для видимости и поэтому единственно свободном). Я думаю, что должно возникнуть ощущение неловкости, что тебе что-то недодали и что есть какая-то позиционная возможность капризничать — перед лицом Распятого.

Таким образом, органично может прийти один очень замечательный критерий, который для меня с некоторых пор становится просто определяющим, хотя я не всегда в наличных знаках могу его уловить — это критерий **и н ж е т н.** Мне кажется, что если появится установка во внутреннем каноне художника, в его единственно свободном самоконтроле перед собой? установка на ничету, то есть... ну, понятно, что такое ничета, — то будет из этого канона произрастать то великое постижение, которое и было в центре русской культуры — постижение святости как высшей ценности культуры. Мне кажется, что для этой цели нужно преодолеть **т р и ф а в н** предельно трагического вопрошания. Если эти фазы каким-то образом минуют вопрошающего, то он где-то будет лунавить. Первая фаза — это фаза предельного познания всего трагизма того, что **я н е с о у ч а с т в у ю** в **в ы б о р е** своего собственного бытия. Вся языческая культура... может быть, и экзистенциализм Хайдеггера встал перед этой проблемой... — опознает несвободу себя, потому что "я" изначально не присутствовало в выборе своего собственного бытия. Все эти термины — "заброшенность" или мифема перерождения в колесе кармы и т.д. и т.д. — об этом. Мне кажется, что при исчезновении ощущения того, что тебе недодали, уничтожении капризности и произрастании ничеты будет радикальным образом /радикальным, подчеркиваю, то есть здесь сфера, где и начинается философия/ возникать вопрос о несвободе человека. Вероятно, что тут может возникнуть ужас перед тем, что мы должны проявить

отца и мать, которые вас породили, потом, вслед за этим, вы можете проклясть Бога, который сотворил вас, не испросив у вас на то дозволения...

Здесь нужно иметь н и щ е е м у ж е с т в о задавать эти вопросы и стоять до предела.

Второй вопрос, который мы здесь не должны опустить, это вопрос о святости, как о ценности культуры, и если мы пройдем три фазы упомянутых радикальных вопрошаний, мы всею силой святости можем познать. При радикальнейшем вопрошании на вопрос о трагизме бытия — только с в я т о й знает ответ, потому что только святой — та фигура, которая благодарит бытие, ибо он с в о б о д н о с о у ч а с т в о в а л в выборе своего бытия в Боге.

(К. Видимо, буддийская доктрина здесь недостаточна, потому что она аннулирует к Ничто). Значит, святой является радикальнейшим ответом на этот первый радикальный вопрос. Далее, если это произойдет, следует попытка опознания того, что я е щ е н е с у щ е с т в у ю, а что существует именно тот сакральный мир таинств или мистерий во всех культурах, которые человеку говорят, что мы в наличном состоянии еще не существуем, мы должны принять какое-то п о с в я щ е н и е, и перед архетипом мистерий, которые мы припоминаем потом, мы, собственно, и начинаем свободно существовать, иначе ни в какой культуре не нужна была бы инициация. Мы должны прийти к ситуации опознания, что в каждой культуре должны содержаться какие-то т а - м и с т в а, и, видимо, в пределах ^{слих} российской географии мы должны будем прийти — или тот, кто правильно произрастает (я сейчас не говорю "правильно" в смысле ценностной оценки, а "правильно" в трагизме), к опознанию, что мы еще не существуем, хотя все в мире убеждает нас, что мы есть. Радикальное отрицание существования и будет как раз тем моментом, когда у нас исчезает капризность и ощущение, что нам что-то недодали. Таким образом, человек приходит к ситуации принятия таинств, тех или иных. Иудеям, может быть, проще, если они с детства образны, ну, а в пределах русской географии он должен прийти к принятию церковных таинств, христианских таинств.

И вот в этот самый момент, когда человек к этому приходит, он должен не потерять мужества стать перед ситуацией к а т а с т р о ф и, потому что, если он придет в личную церковь Московского патриархата, он переживет у ж а с. Ужас, неописуемый ужас: он увидит растянутое священство, некультурное священство, падший епископат... (Уже во времена Льва Толстого не было никакого состисания-и он, Толстой, просто и гениально соопоставил Евангелие с иудейским и сказал, что если э т о и заведет Господь, то вы- не т о, или Он был не т о, что вы о Нем говорите!) Надо, видимо, постараться в сфере культуры не бояться этих вопросов, все время внутренне проверяя себя на видету, на некапризность и на баздну трагизма в вопрошании.

И в следующий момент возникает вопрос о к у л ь т у р е, то есть, каким образом возможна христианская культура и возможна ли она вообще как таковая, потому что, то, что мы имеем в наших образцах христианства, мы видим все-таки а с к е т и ч е с к о е о т н о ш е н и е к миру, а не опознание культуры. Здесь я напомню вам о Вячеславе Иванове. Он сказал, что есть по-видимому три типа, три способа сознательного отношения к культуре: тип а с к е т а, который ее отрицает или выносит за скобки, или не замечает; тип р е л и г и о з н о с т и, то есть человека, который считает, что культурное произрастание не связано с сакральным фоном; и следующий тип, который он признавал и интуитивно угадывал (и его предугадывания совпадают с точкой зрения святых, скажем, Серафима Саровского или старца Силуана), есть наш тип абсолютиста, то есть способ проглядывания культуры как сферы символических знаков. А символический знак- это з н а к и н и щ и й, то есть он своей собственной структуре содержит не любовь к себе хоть на йоту, а тяготеет к дешифровке и самоуничтожению себя с точки зрения Абсолюта,- и вот тогда, когда возникает такая ситуация символического проглядывания культуры, культура обретает свою собственную ценность. Я хочу сказать, что святой и в этом контексте дает разрешение проблемы, потому что святой есть р е а л ь н о с т ь.

То есть, если видимое искусство- не баловство, то оно

принадлежит к тому онтологическому фону русского наследия, которому было свойственно опознавать искусство, как действительно с е р ь е з н о е явление трансцендентного мира, причем такое, которое не может быть явлено никаким другим способом... В принципе, я не хочу ругать Франциско Инфанте, но такой подход, который он демонстрировал своими "эстетическими играми", там был невозможен, это не искусство в объекте, искусство — это те средства загробной трансляции или трансцендентного мира, которые никаким образом не е д а н ы в природе. Ведь может случиться, что с каких-то позиций, скажем, храм может быть тоже воспринят как артефакт какой-то игры... Так вот, святой — это реальность.

Святые отцы можно заявляли о смысле факта Троичности. Есть Божественное Лицо, пришедшее во плоти человеческой, но, как говорил святой Иоанн Дамаскин, этот факт "не попадает под общий вид и род", — то есть, этот факт не может быть осмыслен философски. А почему? Потому что мы знаем, мысль не есть приемышничество. Оказывается, что эту роль выполняет святой, — начиная от апостолов и кончая Серафимом Саровским, — он в в о д и т в единую всечеловеческую память ф а к т воплощенного, распятого, воскресшего, вознесенного и пребывающего одесную Отца Господа Иисуса Христа. Он это делает в р е а л ь н о с т и. Икона — это такой знак, где означающее и означаемое совпадают — "пригвожден".

Так вот, храмовое действо есть икона памяти святого, и все problems, связанные с грешностью епископата, снимаются с точки зрения постижения литургии как иконы, а деятельность гения или поэта (и вообще — человека культуры) обретает свою высшую ценность с точки зрения своего символизма.

Вячеслав Иванов, в пределах петербургских штудий, сказал, что высшее постижение Достоевского было в том, что он считал, э т о т н а р о д нес, как высшую ценность, святость; он падал, но он всегда и постигал, что в р о д и в ы е в ы ш е ц а р я. Это — бесспорно, но после всех катаклизмов это постижение перестало быть достоянием народа; сейчас утверждать это было бы просто чудовищной

провокацией. Но это осталось фактом русской культуры, и мне кажется, что само сознание нарождающегося процесса могло быть опознано, как припоминание и припоминание святости как высшей ценности. Вот то, что я хотел вам с благодарностью сообщить.

0000000